

И. Т. Крук

А. Блок и В. Белинский

В последние годы появился ряд серьезных исследований о Блоке. Во многих из них уделяется внимание связям поэта с русской классической литературой¹. Все написанное Блоком дает богатейший материал для исследования этой проблемы. Это вопрос о роли классической литературы в жизни и творчестве поэта, а также о довольно сложном восприятии классиков, о противоречивых оценках творчества отдельных писателей в статьях и заметках Блока. Это вопрос о том, как рвался из сетей символизма поэт с огромной жаждой жить современностью, быть всегда с народом, стать его певцом. И в этом отношении огромную помощь оказывала ему великая русская литература XIX века.

Блоковские страницы пестрят именами великих русских писателей, о которых он говорил с восторженной любовью: «Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собой многие дни нашей жизни». «Перечитываю Толстого и Тургенева. Изумляюсь». «Толстой идет — ведь это солнце идет». «Чехова принял всего... в пантеон своей души»...

К классикам Блок обращался в самые напряженные и значительные моменты своей жизни. Это проявилось и в его публицистике, и в критике, особенно в тех статьях, где идет речь об общественном значении поэта, о праздничном долге поэта, заметно это и в художественных произведениях. В такие моменты Блок особенно остро чувствовал, как чужды ему друзья из лагеря символистов.

Большое значение в осмыслении роли литературы в жизни народа, роли поэта в обществе имели для Блока статьи великих русских критиков, прежде всего — В. Г. Белинского.

Отношение Блока к Белинскому — одна из наиболее сложных и противоречивых страниц его творческой биографии. Между тем в работах о Блоке об этом ничего не говорится, если не считать отдельных попутных замечаний. Известна лишь статья А. Цинговатова «Белинский в сознании Блока». Напечатанная еще в 1924 г. в сборнике «Венок Белинскому», она во многом устарела, отличается некоторой односторонностью. Автор статьи не мог тогда располагать материалами, из-

¹ Библиография специальных статей дана в «Блоковском сборнике», Тарту, 1964, стр. 98. Из монографических работ наиболее значительна в этом отношении книга П. Громова «А. Блок. Его предшественники и современники», «Советский писатель», М.—Л., 1966.

вестными современным исследователям. Так, не зная ряда источников, Цинговатов преувеличивал чувство антипатии Блока к Белинскому. Поэт питал и глубокое уважение к великому критику, который был для него высоким авторитетом во многих вопросах истории и теории литературы, и его суждения нередко совпадали с суждениями Белинского².

Тем не менее Цинговатов, сделавший удачную для своего времени попытку разобраться в отношениях Блока к Белинскому, открыл первую страницу в исследовании этого вопроса. Время вооружило нас не только новыми фактами, но и более совершенной методологией. Настоящая статья представляет попытку в сжатой форме продолжить начатое Цинговатовым изучение заинтересовавшей нас проблемы.

Первое упоминание имени Белинского в записях Блока относится к концу 1901 или началу 1902 гг.³ Среди книг, купленных поэтом в то время, значатся и сочинения Белинского. Фамилия критика помечена звездочкой; по предположению исследователей творчества Блока, это означало то, что произведения данного автора прочитаны. Тогда же, — по-видимому, как следствие знакомства с сочинениями Белинского — в дневнике Блока было отмечено: «Белинский о Гамлете»⁴.

Вскоре после этого, в сентябре 1902 г., появляется следующая ссылка на Белинского. В запись, где сказано об отсутствии идеалов у декадентов, Блок вносит слова: «Белинский о гении и таланте (в статье о Кольцове)»⁵. Эта запись очень важна, ибо в своих глубоких и сложных раздумьях о роли и месте поэта в обществе Блок обратился за советом к Белинскому.

Статья о Кольцове была написана в 1846 г. Некоторые особенности истории русской поэзии этого периода проливают свет на то, почему Блок заинтересовался суждениями Белинского о гении и таланте. В известном смысле 40-е годы были похожи на 80—90-е и начало 900-х годов, когда русская поэзия переживала кризис. 40-е годы — это время между Лермонтовым и Некрасовым. В России тогда не было поэта, которого можно было бы назвать великим, и Белинский был озабочен тем, чтобы посредственность не была объявлена гением, что и было сделано, например с Бенедиктовым.

Задумался и Блок, размышляя о состоянии поэзии в его эпоху. Кто же он — настоящий поэт? После записи о Белинском он ставит под вопрос два имени: «Ореус? Бальмонт?». Однако через полтора года Блок, по сути, дает отрицательный ответ на эти вопросы: «Учить стихи наизусть! Пушкина, Брюсова, Лермонтова, все, что хорошо»⁶.

В рецензии на собрание стихов Бальмонта (1905) Блок высказал мысль, близкую к суждениям Белинского о единстве формы и содержания в поэзии. «Во втором сборнике, — писал Блок, — ...все еще много совсем бледных стихов, в которых «форма» преобладает над «содержанием», так что ничто *третье* (и самое нужное) не рождается для искупления гладкости»⁷. Белинский отмечал: «Мысль уничтожает-

² См. нашу статью «Пометки Блока на сочинениях Белинского», в сб. «Вопросы русской литературы», вып. I, Изд-во Львовского ун-та, 1966

³ Заметим, что Цинговатов ссылался в этом смысле на статью Блока 1908 г. «Вопросы, вопросы и вопросы».

⁴ См. сб. «Вопросы русской литературы», вып. I, Изд-во Львовского ун-та, 1966, стр. 23.

⁵ А. Блок. Записные книжки, М., 1965, стр. 43.

⁶ Там же, стр. 63.

⁷ А. Блок. Собр. соч. в 8 томах, М., 1960—1963, т. 5, стр. 549. Дальше ссылки на это издание — в тексте.

ся в чувстве, а чувство уничтожается в мысли. Из этого взаимного уничтожения рождается высокая художественность»⁸.

Белинский и вскоре за ним Некрасов обеспокоенно писали о том, что внешняя гладкость стиха, достигаемая сравнительно легко, может выхолостить душу поэзии⁹. Из этого следовало, что с точки зрения воздействия произведений искусства на общество эти внешние достоинства формы при пустомыслии или реакционности содержания ставят поэзию значительно дальше от подлинного искусства, чем произведение, пусть не совсем совершенные, но проповедующие высокие идеалы, ибо такая поэзия обладает перспективой развиться в подлинное искусство. Вот почему и Блок настойчиво ставил «вопрос о содержании, вопрос, что имеется за душой у новейших художников, которые подозрительно легко овладели формой... К вечной заботе художника о форме и содержании присоединяется новая забота о долге...» (V, 234, 237; подч. Блоком). В своей основе эти рассуждения перекликаются с мыслями Белинского, борзвшегося за высокое содержание искусства. Напомним, что критик почти в тех же выражениях говорил о пустой, внешней форме стихов Бенедиктова: «...вглядитесь пристальнее в этот фальшивый блеск поэзии: что вы найдете в нем? Одно умение; навык, литературную опытность и вкус». Бенедиктову, говорит Белинский, часто удается внешняя отделка стиха, «но все это прекрасные формы, которым недостает души» (I, 365, 368).

Как известно, Блок был незаурядным критиком, много внимания и сил отдал изучению и редактированию произведений классиков. При этом он неизменно обращался к Белинскому, хотя и не всегда Блок соглашался с ним, а порой довольно резко возражал.

Особенно часто обращался Блок к статьям Белинского во время редактирования сочинений Пушкина в 1906—1907 гг. и Лермонтова — в 1920—1921. Кстати сказать, в оценке этих двух поэтов Блок ни в чем не расходился с великим критиком. В примечаниях к их произведениям он часто ссылается на мнение Белинского, приводит его оценки без своих комментариев или просто отсылает читателя к той или иной статье Белинского; в ряде случаев, полемизируя с отдельными критиками, отстаивает мнение «неистового Виссариона». Так, он оспаривал Л. Майкова в пользу Белинского в примечаниях к некоторым произведениям Пушкина, резко отзывался о противнике Белинского Шевыреве, называя его педантом, то есть именно так, как назвал его критик в памфлете «Педант»¹⁰. Напомним, что это слово вошло в заглавие одной из статей Блока, в которой он обрушился на Н. Котляревского за его книгу о Лермонтове («Педант о поэте»).

Литературные статьи Блока свидетельствуют о том, что он не просто знакомился с высказываниями Белинского о писателях, но глубоко изучал его работы, эволюцию общественно-литературной позиции критика, стремясь разобраться в этом, насколько позволяли его собственные взгляды.

В 1905 г. Блок написал обширную статью «Очерк литературы о Грибоедове», в которой рассматривает высказывания с великом драматурге многих русских критиков и писателей за три четверти века. Он не ставил перед собой задачу дать в этой компилятивной статье свое толкование оценок Грибоедова и его комедии. Исключение сделано только для Белинского, взгляды которого на комедию обстоятельно комментируются. Блок, в частности, убедительно оспаривает Суворина,

⁸ В. Г. Белинский. Полн. собр. -соч. в 13 томах, т. 1, стр. 363. Дальше — в тексте.

⁹ См. «Современник», 1850, № 1.

¹⁰ См. А. Блок. Собр. соч., Изд-во писателей в Ленинграде, 1934, т. XI, стр. 313—359, 376—423.

неправильно трактовавшего взгляд критика на комедию. Заметим, что сам Блок вполне справедливо критикует Белинского за его статью о «Горе от ума», написанную в 1839 г., проследивая и эволюцию критика в сторону правильной оценки комедии¹¹.

Отношение Блока к Белинскому и вообще к революционно-демократической критике было довольно сложным. Он соглашался с ней, когда речь шла об общей оценке места и роли литературы в общественной жизни, но порой очень резко расходился в оценке некоторых конкретных явлений литературы, не разделяя метода революционно-демократической или, как ее часто называли, реальной критики. Отсюда противоречивость в высказываниях об одном и том же человеке — о Белинском, скажем, или Добролюбова. С одной стороны, Блок клеймит позором тех, кто был причиной гибели Белинского и Добролюбова, ставя этих критиков рядом со святыми для него именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого; в 1908 г. он мечтает о журнале с традициями добролюбовского «Современника», тогда же пишет, что «на любой странице Добролюбова» можно «захлебнуться от нахлынувшей волны дум» (V, 335), что Герцен и Белинский, Чернышевский и Добролюбов «горели огнем бескорыстной любви и бескорыстного гнева».

С другой стороны, об этих же людях Блок отзывался или иронически («Вкусная интеллигентская жвачка — Щедрин, Белинский, Добролюбов»¹²) или резко отрицательно, несправедливо, особенно о Белинском. С Белинского, по мнению Блока, началась «порча русского сознания, понятия об искусстве — вплоть до мелочи — полного убийства вкуса» (VII, 219; подчеркнуто Блоком, по-видимому, с целью иронии). Это было сказано в 1913 г.; в 1915 г. — «Белинский, служака исправный, торопливо клеймил своим штемпелем все, что являлось на свет божий» (V, 488).

Блок нередко терял объективность и чувство историзма в суждениях о литературном процессе и месте в нем выдающихся писателей и критиков, вступая при этом в противоречие не только с общеизвестными истинами, но и с самим собой. Это особенно сказалось в статье «Судьба Аполлона Григорьева» (1915). «Грибоедов и Пушкин, — пишет он здесь, — заложили твердое основание истинного провидения. Они погибли. На смену явилось шумное поколение сороковых годов во главе с Белинским, «белым генералом русской интеллигенции». Наследие Грибоедова и Пушкина, Державина и Гоголя было опечатано» (V, 488). Аналогичная мысль в столь же резкой, хотя и менее категорической форме высказана в статье 1921 г. «О назначении поэта» (см. VI, 166—167). Но ведь Блок и солидаризировался с Белинским в оценке произведений названных писателей.

Наиболее сложным отношение Блока к Белинскому оказалось в его восприятии и оценке «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя и письма Белинского к автору этой книги и — шире — оценки Белинским творчества Гоголя вообще.

Начнем с того, что Блок долгое время не признавал сатиру как вид искусства (как некоторое время не признавал ее и Белинский), поэтому, по его собственному признанию, он прошел мимо «Ревизора», в «Мертвых душах» воспринял главным образом романтическое изображение России. Результатом отрицательного отношения к сатире явилось и одностороннее восприятие «Выбранных мест». Блок не понял реакционного в целом смысла «Переписки», восприняв преимущественно мистико-религиозные размышления Гоголя о России, хотя и истол-

¹¹ См. А. Блок. Собр. соч., т. XI, стр. 81—130.

¹² А. Блок. Записные книжки, стр. 114.

ковал их по-своему. С этим связано и раздражение по поводу письма Белинского, которое Блок определил как «истерический бранный крик, которым кричал на Гоголя Белинский», «отец русской интеллигенции» (V, 326).

Особенно резко несогласие с Белинским выразилось в статьях Блока об А. Григорьеве, в частности, в заметке «Что надо знать об Аполлоне Григорьеве» (1918), которая посвящена, по сути, письму Белинского к Гоголю. Вначале она и называлась «Ап. Григорьев и Гоголь». Если вчитаться в статью, нельзя не заметить какого-то смятения Блока, спора с самим собой. Он пишет, что «Переписку» «диктовали Гоголю соблазны православия, болезнь, страх смерти» (VI, 27), а с другой стороны, — неопределенные слова о том, что в книге есть и нечто, явившееся плодом гения Гоголя, и что «через десятилетия долетело до нас». Если судить по другим высказываниям поэта в этой связи, можно догадаться, что и здесь речь идет о романтическом образе Руси.

Блок считает, однако, что Белинский заметил в книге Гоголя лишь «соблазны православия, болезнь, страх смерти», почему книга и была «взята под защиту самодержавия и его прихвостней» (VI, 27). Вторая же сторона книги Гоголя, утверждает Блок, была для Белинского закрыта «западническими шорами». И затем странное для Блока 1918 г. заявление: «Если бы я был историком литературы, беспристрастным наблюдателем, я, может быть, оценил бы Белинского: но пока я страстно ищу в книгах жизни, жизни настоящей (в обоих смыслах), а не прошлой, я не могу простить Белинского» (VI, 28). Противопоставление явно неправильное, тем более, что Белинский, как мало кто другой, был одновременно и историком литературы, и искателем истины, и в одно, и другое он вкладывал могучую и беспокойную страсть.

И все-таки перед нами полупризнание правоты Белинского.

И еще один компромисс, на который идет Блок, и который в итоге ведет к согласию с критиком: если бы, пишет Блок, издали также письма А. Григорьева к Гоголю, он простил бы Белинскому его «грех» перед автором «Выбранных мест». В сложности и противоречивости позиции Блока, как и Григорьева, убеждает и анализ писем последнего. Блок имел основания упрекать критика за некоторую односторонность: Белинский признавал в «Мертвых душах» только обличение пошлости, но скептически отнесся к лирическим излияниям Гоголя, к его высоко-патриотическим строкам о народе и Руси, называя их «мистико-лирическими выходками». Романтик же Блок это прежде всего и принял в поэме, по-своему развил образ Руси-тройки и в период, когда Россия уже вступала в эру авиации, показал родину в образе степной кобылицы. (Белинский, не приняв символического смысла образа тройки, прямолинейно и не без иронии говорил о преимуществе железной дороги перед телегой).

Понятен гнев Белинского по поводу «Выбранных мест»: он судил об этой книге с точки зрения широкого общественного резонанса. Написал-то ее Гоголь — автор великих реалистических произведений! Книга возмутила не только Белинского. Даже С. Аксаков отзывался о ней очень резко: «Все это, от начала до конца, ложь, дичь и нелепость». Белинский судил Гоголя за измену самому себе — реалисту и сатирику. Блок же, говоря о книге Гоголя, имел в виду иное: право писателя быть искренним во всем. Он ратовал за предельную субъективность творчества, понимаемую им как отражение в произведении писателя каждого движения души автора. Блок большое значение придавал тем произведениям, которые он называл «исповедью души», тем, в которых писатели «жертвуют своей душой»: «Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он *сжег себя*

долга, — для того ли, чтобы родиться для новых созданий, или для того, чтобы умереть, — только оно может стать великим» (V, 278).

Говоря о «Выбранных местах», необходимо различать Гоголя — автора книги и образ Гоголя, встающий с ее страниц. Белинский обрушился на автора и был прав, Блок вступился за тот трагический образ Гоголя, который символизировал судьбу писателя в условиях «вампирического века» и по-своему тоже был прав. Блок обиделся на Белинского за то, что он осудил «интеллигента» Гоголя, исповедовавшегося в своих заблуждениях, увидевшего пороки дворянской интеллигенции и себя отнесшего в ряды тех, кого Лермонтов заклеил в «Думе». Блок отстаивал право писателя на исповедь, пусть даже самую горькую. Но и Белинский не отрицал права на исповедь и даже на заблуждения, но вся беда Гоголя в том, что заблуждения поставили его на одну ступеньку с «Бурачком и братиею», и это вызвало у Белинского сомнение в искренности писателя: «Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в Вас искренности подобных убеждений» (X, 216).

Трудно представить, чтобы Блок соглашался с мыслями автора «Выбранных мест», если не считать романтического образа России, идеи служения Родине. Не задумавшись, однако, над тем, какой вредный путь служения подсказывал Гоголь, Блок впал в крайность, заявив, что русская интеллигенция по вине Белинского пошла по неправильному пути. Блок судил о «Переписке» односторонне, как человек, сам испытавший большую общественно-психологическую драму отрыва интеллигенции от народа, судил об этой книге с точки зрения того, что ее написал просто человек, а не автор «Ревизора» и «Мертвых душ», и в этом сказалась метафизичность его мышления.

В отношении Блока к письму Белинского было и такое, что нельзя не только оправдать, но трудно и объяснить. Великий критик, который ничего не прощал и не замалчивал, глубоко раскрыл душу Гоголя, вылившуюся в «Выбранных местах», довел часто туманные мысли книги до логической ясности и показал миру: вот каким стал Гоголь! И Блок решил, что Белинский напугал интеллигенцию, сбил ее с пути: «Пусть Белинский велик и прозорлив во многом, но, совершив великий грех перед Гоголем, он, может быть, больше, чем кто-нибудь, дал толчок к тому, что русская интеллигенция покатила вниз по лестнице своих российских западнических надрывов, больно колотясь головой о каждую ступеньку. А всего больнее — о последнюю ступеньку, о русскую революцию 1917—1918 годов» (VI, 28). Это связано с очень сложным и болезненно-противоречивым пониманием проблемы «Народ и интеллигенция», что нашло отражение в публицистике и ряде художественных произведений Блока.

Все сказанное вовсе не означает, что Блок отрицательно относился к Белинскому. Высказывая свое отношение к прениям, развернувшимся вокруг его доклада «Россия и интеллигенция» (1908), в котором сказано о «крике» Белинского на Гоголя, Блок заметил: «Если доклад мой наивен с точки зрения науки, социологии, политики, — пусть так. Я не принимаю только двух упреков: в «кошунственном реакционерстве» и в ненависти к Белинскому»¹³.

¹³ А. Блок. Записные книжки, стр. 126. Представляет интерес мысль, высказанная Д. Е. Максимовым в беседе с автором настоящей статьи: не потому ли Блок был так резок по отношению к Белинскому, что был к нему ближе, чем к другим критикам XIX в.? В самом деле, ссорился ведь он крупно с А. Белым или с Мережковскими. Если во многом и в очень важном солидарен, то невольно будешь резок там, где взгляды расходятся, ибо в таком случае расхождения могут рассматриваться как свои собственные, а Блок, как известно, был до самобичевания беспощаден к себе.

В дневниковой записи 28 марта 1919 г., то есть через год после рассмотренной статьи об А. Григорьеве, Блок, говоря о том, что художнику нельзя быть вне политики, показывает, что политический индифферентизм приводит к стыдливому, «сконфуженному» извинению гоголевской «Переписки», «Дневника писателя» Достоевского, а с другой стороны — к одобрению «политической размятченности, конституционной анемичности... так называемых «чистых художников» (VII, 359). И это, по существу, отказ от прежней позиции, это «прощение» Белинскому.

Сама жизнь, ход революционных событий помогли Блоку понять Белинского в его оценке книги Гоголя, помогли понять интеллигенцию, — и ту, которая не приняла революцию и к которой идеи Белинского не имели никакого отношения, и ту подлинную, трудовую интеллигенцию, которая гордилась Белинским.

А что касается пафоса письма Белинского к Гоголю, то не чувствуется ли он и в страстной статье Блока «Интеллигенция и Революция»? В самом деле, вспомним знаменитые слова критика о том, что крепостническая Россия «представляет собой ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми», страны в которой «прогресс» заключается только в замене «однохвостного кнута треххвостною плетью». Или гневные слова Белинского о полах и церкви, которые именем Христа освящали деспотизм!

Народ не выдержал. Это предчувствовал великий критик. И Блок, как бы продолжая его мысли, оправдывает разорение мужиками в 1917 г. церквей, помещичьих имений. Об этом сказано со страстью, которая была свойственна и Белинскому: «Почему дырявят древний собор? — Потому что сто лет здесь жил ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой» (VI, 15). Белинский: «Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?» (X, 215).

«Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? — Потому что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью» (VI, 15).

Не вспоминается ли при этом гневный упрек Белинского Гоголю за его высокомерное отношение к мужику: «Ах ты, неумытое рыло!» — да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его?..» — (X, 214). А ведь об этих ноздревых да собакевичах, к тому же образованных, и говорит Блок.

Вот и получается, что Блок больше согласен с Белинским как «искатель жизни настоящей», чем как бесстрастный историк литературы. В этом-то и сложность, противоречивость воззрений Блока, его страстной, мятущейся природы.

Мы попытались в какой-то мере разобраться в этом, чтоб проследить, с одной стороны, то значение, которое имел для Блока Белинский, с другой — лучше понять великого поэта XX века, проверив его таким блистательным критерием, как ум и страсть Белинского.